

рассказ

Сомерсет
МОЭМ

Английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма (1874 — 1965) можно по праву считать одним из крупнейших мастеров новеллы. Составленный им самим четырехтомник рассказов (1951) включает произведения, отличающиеся отточенностью стиля, законизмом, незаурядным чувством формы и особым, «моэмовским» юмором. Из них на русский язык, однако, переведено лишь около половины. В одном из неопубликованных до сих пор у нас рассказов, называемых «Сон», отразились впечатления писателя от поездки в Россию в 1917 году.

Рисунок
Николая Кошкина.

14

СЛУЧИЛОСЬ ТАК, что в августе 1917 года мне пришлось отправиться по служебным делам из Нью-Йорка в Петроград. Мне посоветовали в целях безопасности ехать через Владивосток. Высадился на берег там я утром и провел свободный день наилучшим образом, каким только мог. Транссибирский экспресс должен был отправиться, насколько я помню, около девяти вечера.

Победал я в вокзальном ресторане. Там было полно народа, и я сел за маленький столик, за которым расположился лишь один человек, чье лицо меня заинтересовало. Он был русский, этот высокий мужчина; меня поразила его полнота — он отрастил такое пузо, что вынужден был сидеть далеко от стола. Кисти рук его были сравнительно малы, но над ними нависали не предплечья, а прямо-таки окорока. Длинные тонкие волосы этого человека были аккуратно зачесаны поперек макушки, чтобы скрыть лысину; его широкое желтоватое чисто выбритое лицо с массивным двойным подбородком казалось непристойно голым. Нос был мал и походил на крошечную смешную кнопочку, затерявшуюся среди избытка плоти; черные блестящие глаза также не отличались величиной, однако рот был большой, чувственный, с красными губами. Одет этот мужчина был более или менее сносно — на нем был черный костюм, не поношенный, но какой-то неопрятный — казалось, с момента покупки его не касались ни щеткой, ни утюгом.

Обслуживали в ресторане плохо — привлечь внимание официанта было почти невозможно. Вскоре мы с соседом по столу разговорились. Он неплохо и довольно бегло говорил по-английски. Акцент был заметен, но не утомлял слух. Собеседник мой засыпал меня вопросами о том, кто я такой, каковы мои планы на будущее и так далее, и тому подобное. Мой род занятий в те времена заставлял меня держаться настороже, так что ответы мои только казались откровенными, на самом же деле искренности им не хватало. Я сказал соседу по столу, что я журналист. Он спросил, приходилось ли мне писать что-нибудь беллетристическое. В ответ я сознался, что порою балуюсь этим на досуге. Тогда он заговорил о современных русских романистах. Говорил он, как интеллигентный человек. Не было сомнений, что он получил хорошее образование.

В это время мы упросили официанта принести нам по тарелке щей. Мой новый знакомый извлек из кармана небольшую бутылку водки и предложил мне ее с ним распить. Не знаю, водка или

природная разговорчивость этого человека была тому причиной, но он вскоре начал откровенничать и рассказал многое о себе, хотя я ни о чем его не спрашивал. Происходил он, кажется, из дворян, по профессии был юрист, а по убежде-

Неделя - 1991. - 3-я книга (№ 23) - с. 14-15

ниям — радикал. Какие-то неприятности с властями заставили его долгое время жить за границей, однако сейчас он возвращался домой. Дела задержали его во Владивостоке, но через неделю он намеревался отбыть в Москву; мне он сказал, что, если я соберусь приехать в этот город, он рад будет со мною поговорить.

— Вы женаты? — спросил он меня.

Я не совсем понял, какое ему до этого дело, но ответил, что женат. Он тихонохко вздохнул:

— А я вдовец. Когда-то я женился на уроженке Швейцарии, ее родной город — Женева. Очень развитая была женщина. Прекрасно говорила по-английски, так же хорошо знала немецкий и итальянский, ну а французский, само собой, был ее родным языком. По-русски она говорила гораздо лучше, чем большинство иностранцев, — акцент был едва заметен.

Он окликнул официанта, шествовавшего мимо нашего столика с полным подносом всяких снеди, и, насколько я понял — ведь русских слов я почти не знаю, — спросил его, долго ли еще нам придется ждать. Официант издал короткое, но, очевидно, ободряющее восклицание и ускориł шаги. Мой собеседник вздохнул:

— После февральской революции обслуживание в ресторане стало кошмарное.

Он закурил очередную, едва ли не двадцатую по счету сигарету, а я, взглянув на часы, задумался, где бы мне все-таки поплотнее поесть перед тем, как сесть в поезд.

— Необычная женщина была моя жена, — продолжал русский. — Она преподавала музыку в лучших петроградских пансионах для благородных девиц. Долгие годы мы жили с ней в добром согласии. Однако она была ревнива по натуре и, к несчастью, до безумия меня любила.

Мне с трудом удалось сохранить на лице серьезную мину. Мой собеседник был одним из самых уродливых людей, каких я только встречал. Иногда румяные и веселые толстяки бывают обаятельными, но тучность этого мрачного человека казалась отталкивающей.

— Конечно, я не утверждаю, что всегда хранил ей верность. Она была уже немолода, когда мы поженились, да и брак наш длился целых десять лет. Она была маленькая, худенькая и к тому же плохо сложена. Зато язычок у нее был острый. Меня она считала своей собственностью и приходила в ярость, когда я нравился кому-то другому. Она ревновала меня не только к женщинам, с которыми я был знаком, но и к моим друзьям, книгам, даже к моему коту. Как-то раз в мое отсутствие она отдала кому-то мое любимое пальто только потому, что оно нравилось мне больше других. Но я человек довольно уравно-

вешенный. Не могу отрицать, что она меня раздражала, но я привык к ее язвительности — это свойство ведь было заложено в нее от природы — и не собирался восставать против жены, как не восстают люди против плохой погоды или насморка. Я отвергал ее обвинения, пока можно было отпираться, а когда это уже становилось невозможно, пожимал плечами и закуривал сигарету.

Постоянные сцены, которые она мне закатывала, почти на меня не действовали. Я жил своей жизнью. Иногда, правда, я задумывался, питает ли жена ко мне страстную любовь или страстную ненависть. Впрочем, эти две вещи ведь неразрывно связаны.

Мы могли бы продолжать так жить до конца наших дней, если бы однажды ночью не произошел один весьма странный случай. Меня разбудил пронзительный вопль жены. Вздвогнув, я спросил ее, в чем дело. Она сказала, что видела страшный сон: ей приснилось, что я пытался ее убить. Жили мы на верхнем этаже большого дома; лестничная клетка там была с широкими пролетами, в центре же зиял глубокий колодец. Жене приснилось, что, как только мы поднялись с нею на верхний этаж, я обхватил ее руками и попытался перебросить через перила. Внизу был каменный пол, и такое падение означало верную смерть.

Она явно была потрясена, и я сделал все возможное, чтобы ее успокоить. Однако и на следующее утро, и через день, и через два она то и дело заговаривала об этом, и как я ни высмеивал ее фантазии, очевидно было, что они крепко засели в ее голове. Я тоже не мог об этом не думать — ее сон открыл мне нечто, о чем я и не подозревал. Жене казалось, что я ее ненавижу, что я был бы рад от нее избавиться. Она, очевидно, понимала, что часто бывала невыносимой, и порою, должно быть, ей приходило в голову, что я способен ее убить. Пути мысли человеческой неисповедимы: иной раз у нас возникают соображения, признаться в которых кому-нибудь было бы стыдно. Иногда мне хотелось, чтобы моя жена завела любовника и сбегала с ним, иногда — чтобы внезапная и легкая смерть этой женщины дала мне свободу, но никогда, ни единого раза не посещала меня мысль о том, что я мог бы сам, своими руками избавиться себя от тяжелого бремени.

Сон этот произвел большое впечатление на нас обоих. Мою жену он напугал; она стала сдерживать свой язычок и проявлять уступчивость. Но когда я поднимался по лестнице в свою квартиру, то не мог не перегибаться через перила и не думать о том, как легко было бы со-

вершить то, что видела во сне жена. Перила были опасно низки. Одно быстрое движение — и дело сделано. Трудно было избавиться от этой навязчивой мысли.

Прошло несколько месяцев, и жена как-то разбудила меня среди ночи. Я очень устал и был раздражен. Она поблденела, как мел, и вся дрожала. Ей снова привиделся тот же сон. Разразившись рыданиями, она спросила, действительно ли я ее ненавижу. Я поклялся всеми святыми, какие только упомянуты в святцах, что люблю ее. Наконец она заснула опять. Я сделал все, что мог. Потом я лежал без сна. Мне казалось, я вижу, как она падает в колодец лестницы, слышу ее вопль и звук удара ее тела о каменный пол. Невольно я содрогнулся.

Мой собеседник умолк, на лбу его выступили капельки пота. Свою историю он рассказывал хорошо, связно, и я слушал с интересом. В бутылке все еще оставалось немного водки; русский вылил остатки в бокал и выпил залпом.

— Так как же все-таки умерла ваша жена? — спросил я, выдержав паузу.

Мой собеседник достал грязный носовой платок и вытер лоб.

— По странному стечению обстоятельств, она была найдена однажды ночью у подножия лестницы. Сломала себе шею.

— Кто ее нашел?

— Один из жильцов, вошедший в дом вскоре после этого ужасного события.

— А где были вы?

Не могу описать зловещего и хитрого выражения, появившегося на лице русского. В его маленьких глазах блеснул огонек.

— Я провел вечер с приятелем. Пришел домой лишь через час после того, как это случилось.

В этот момент официант принес наконец заказанные нами порции мяса, и мой собеседник принялся за еду, обнаружив превосходный аппетит. Пищу в рот он отправлял гигантскими порциями.

Я был ошеломлен. Неужели он действительно сделал плохо завуалированное признание, что убил свою жену? Этот тучный и медлительный человек по виду непохож был на убийцу; мне трудно было поверить, что он отважился на такое. Кто знает, может, он решил сыграть со мной злую шутку?

Через несколько минут мне пришлось уйти, чтобы не опоздать на поезд. Я спрашивался с моим собеседником и с того дня больше его не встречал. До сих пор не могу понять, шутил он или говорил всерьез.

Перевел с английского А. КУДРЯВИЦКИЙ.